

ОТНОШЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ К ЭТНИЧЕСКИМ МИГРАНТАМ

Л. В. Русских

На основе результатов социологического исследования рассматривается отношение жителей Челябинской области к этническим мигрантам. Выявлена зависимость между отношением к мигрантам и схожестью систем ценностей местного населения и приезжих, а также уровнем притязаний последних. Установлено, что наиболее напряженный характер взаимоотношений наблюдается в местах локального поселения этнических мигрантов. Зафиксировано добрососедское отношение к этнически и культурно близким русскоговорящим мигрантам — выходцам из Украины, Белоруссии, Северного Казахстана. Определенно отрицательное отношение сложилось к выходцам с Южного Кавказа, Киргизстана, Таджикистана и Узбекистана.

Делается вывод о том, что вопросы этнической миграции актуальны для всех слоев и групп населения.

Ключевые слова: этническая миграция, мигранты, межэтнические отношения, этнические потоки, принимающее общество.

Со времени распада Советского Союза в России наблюдается постоянное увеличение объема и интенсивности миграционных потоков, отличительной особенностью которых является разнообразный этнический состав. И если раньше основными принимающими структурами были крупные, в основном столичные мегаполисы, то сейчас немалая доля мигрантов выбирает небольшие провинциальные города, жители которых не готовы к изменению привычного уклада жизни. Поведение как принимающей, так и прибывающей сторон трудно назвать толерантным, в местах локального поселения этнических мигрантов фиксируется усиление социальной напряженности и конфликтности. Ситуация усугубляется экономическим кризисом, сокращением рабочих мест и снижением уровня жизни населения, которое воспринимает мигрантов как дополнительный фактор, усугубляющий и без того сложную социально-экономическую ситуацию в регионе. Это обстоятельство делает актуальными исследования, направленные на изучение отношения местного населения к мигрантам вообще и к этническим мигрантам в частности.

Следует отметить, что в России проводятся многочисленные исследования, посвященные миграционным процессам. Этими вопросами занимаются не только отдельные социологи, такие как Ю. В. Арутюнян, Г. Ф. Габдрахманова, А. В. Дмитриев, Л. М. Дробижина, Л. Л. Рыбаковский, Т. Н. Юдина и многие другие, но и крупные исследовательские социологические центры, такие как Всероссийский центр изучения общественного мнения, Аналитический центр Юрия Левады. Вопросу взаимоотношений мигрантов и принимающего социума, проблеме адаптации мигрантов посвящены работы Ж. А. Зайончковской, В. И. Мукомеля, В. А. Тишкова, С. В. Рязанцева. Совместными усилиями отечественных социологов и представителей смежных наук создана серьезная теоретико-методологическая база, по-

стоянно разрабатываются новые методики исследований миграции населения, раскрывающие причины и следствия этнических миграционных процессов. Г. Ф. Габдрахмановой предпринята попытка обобщить и классифицировать различные исследовательские подходы к анализу миграции [2, с. 116—122].

Однако имеющиеся наработки нельзя назвать достаточными в силу присущего миграционным процессам разнообразия. Россия — огромное евроазиатское государство, в котором всегда жили, живут и будут жить не только русские, но и другие многочисленные народы. Исторически сложившаяся на различных территориях страны специфика отношений между ними формирует и специфическое отношение к этническим мигрантам, которое зачастую очень сильно различается по ряду показателей, о чем свидетельствуют многочисленные социологические исследования, посвященные изучению данного социального явления. Следует отметить, что и в самих социологических трактовках этнической миграции обнаруживается определенная неполнота и двойственность. Часто под термином «этнические миграции» понимаются потоки мигрантов одной национальности. Так, Н. М. Лебедева к этническим миграциям относит случаи массовых перемещений, когда представители того или иного этноса добровольно или вынужденно покидают территорию места формирования этноса и переселяются в иное географическое или культурное пространство [6, с. 140]. Наряду с этой точкой зрения в социологии распространена и другая трактовка, согласно которой при определении рассматриваемого явления следует опираться на значение этнического фактора. Так, А. В. Топилин считает, что по форме этнической можно признать любую миграцию, так как любой миграционный поток состоит из представителей одной либо нескольких национальностей. Однако по содержанию к этнической миграции могут быть отнесены далеко не все потоки. Под этнической

миграцией понимается миграция, в основе которой лежат не экономические факторы, а факторы, связанные с самосохранением этноса или его части как самостоятельного социально-экономического и этнокультурного организма [11, с. 51]. С. В. Рязанцев также рассматривает этнические миграции с позиций влияния на миграционные процессы этнического фактора, под которым он понимает совокупность объективных и субъективных причин этнического характера, оказывающих воздействие на формирование и реализацию миграционного поведения [9, с. 26]. Поскольку в рамках нашего исследования мы не ставили целью изучение причин, мотиваций, а также видов миграции, под этнической миграцией мы будем понимать любой вид миграции, являющейся этнической по представительству.

При анализе самой этничности мы опирались на социологические исследования этничности эволюционно-исторического направления примордиализма и субъективизма. Ученые, работающие в рамках первого направления, исходят из утверждения, что этническое деление есть разновидность социального и рассматривают этносы не как биологические, а как социальные конструкты, тесно связанные с социально-историческим контекстом: культурой, языком, идентичностью. Автором классического определения этноса является Ю. В. Бромлей, который утверждает, что этнос — это исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований, фиксированном в самоназвании (этнониме) [1, с. 57]. Другие представители данного направления выделяют ряд иных объективных признаков этноса, как прямых, так и косвенных. Так С.М. Широкогоров определял этнос как группу людей, говорящих на одном языке, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимыми и освященными традицией и отличаемых ее от таковых других групп [12, с. 15].

Субъективисты, такие как Б. Андерсен, П. Бурдье, Э. Геллнер и Э. Хобсбаум акцентируют внимание на отношениях, на процессах формирования и поддержания границ между этносами и считают, что как объективное явление этносы не существуют, они являются лишь социальными конструктами. Э. Геллнер, например, связывает возникновение этносов с современными политическими институтами, определяя их как продукты целенаправленной деятельности современных государств [3, с. 126]. Российский представитель В. А. Тишков, хоть и признает реальность этноса, но тоже определяет его как группу людей, члены которой имеют общее название, общие элементы культуры, обладают мифом об общем происхождении и тем самым обладают общей исторической памятью, могут ассоциировать себя с особой географической территорией, а также демонстрировать чувство групповой солидарности [10]. Очевидно, что эти подходы не исключают, а взаимодополняют и обогащают друг друга, а также позволяют сделать вывод о том, что этнос — это

группа людей, объединенных как объективными, так и субъективными признаками.

Для изучения отношения населения провинциальных городов, для которых массовая этническая миграция является относительно новым социальным явлением, к этническим мигрантам, нами было выделено несколько групп показателей. Первая группа раскрывает субъективные представления местных жителей о приезжающих в их город мигрантах. Следующая группа включает аффективные показатели отношения населения к мигрантам. Третья группа раскрывает поведенческие аспекты этнической толерантности. Следует оговориться, что являясь репрезентативным для Челябинской области, исследование не может претендовать на репрезентативность применительно ко всей российской провинции, учитывая большое разнообразие и специфические условия различных регионов России.

Многие исследователи предлагают изучать межнациональные отношения в целом и отношения к этническим мигрантам в частности как отношения институциональные. Например, Л. М. Дробижина утверждает, что «межнациональные отношения функционируют на институциональном уровне и реализуются через взаимодействие государственных и общественных учреждений и на уровне контактов между группами, между людьми разной этнической принадлежности. В последнем случае речь идет о межэтнических отношениях» [4, с. 263]. Но наше исследование показало, что формирование отношения населения к этническим мигрантам в основном происходит на основе личного опыта общения между принимающей стороной и приезжими, на это указало около 76 % респондентов. Население, не имеющее такого опыта, больше доверяет информации, полученной от знакомых, родственников и коллег, нежели из средств массовой информации. Вне зависимости от интенсивности контактов и их характера, отношение к мигрантам варьируется от эмоционально нейтрального — до негативного. Мигрант в понимании респондентов — это человек, который не уважает представителей местного сообщества (33,2 % от числа ответивших), ведет себя вызывающе и агрессивно (32,6 %), бескультурный, малообразованный (28,0 %) и склонный к совершению правонарушений (23,4 %).

Лучше всего местное население относится к выходцам из Украины и Белоруссии, которых воспринимает как «своих», «почти русских», такое же отношение преобладает к приезжим из соседнего Северного Казахстана. Так как эта группа почти полностью представлена этническими русскими, а также русскоговорящими казахами, их даже не воспринимают как мигрантов, они скорее считаются возвратившимися на родину. Преимущественно позитивное отношение сложилось у жителей малых городов к китайцам, корейцам и вьетнамцам, которые демонстрируют такие положительные качества, как трудолюбие, высокую трудоспособность, бесконфликтность и скромность. Из приписываемых этой группе мигрантов негативных качеств преобладают хитрость и нечистоплотность. Следует отметить, что в исследованиях подобного рода, проводимых в столице

и других крупных городах России, респонденты демонстрируют более критичное отношение к выходцам из Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока.

Интолерантное отношение наблюдается к выходцам из Таджикистана, Киргизстана и Узбекистана. Представителей этих национальностей принимающий социум воспринимает как людей наглых, глупых, малообразованных и лицемерных. Показательно, что применительно к данной группе мигрантов респонденты затрудняются назвать какие-либо их положительные черты. Самая позитивная характеристика, которую дал один из участников фокус-группы, звучала как «неплохо работают». Исследование выявило негативное отношение к приезжим с Южного Кавказа (Азербайджан, Армения, Грузия). Их местные жители характеризуют как людей бесцеремонных, наглых, вспыльчивых и агрессивных. Эта группа мигрантов открыто демонстрирует неуважение к местным традициям и настойчивое стремление навязать свои порядки окружающим. Понятно, что принимающая сторона не готова и не желает подчиняться подобным требованиям, это доказывают достаточно типичные высказывания участников группового интервью: «я не хочу вкладывать знания в ученика, который мне неоднократно заявлял, что женщина не может ничему научить мужчину», «если вы приехали незваными на все готовое, уважайте тех людей, чьим трудом это создано, а не требуйте себе лучших условий, чем у них». Тем не менее, респонденты привели и положительные качества этой группы приезжих: сплоченность и уважение к своим предкам. Тем, что представители данной группы вызывают наибольшее раздражение у коренного населения, можно объяснить тот факт, что респонденты значительно завышают реальное количество ее представителей. По официальным данным в настоящее время в области больше всего мигрантов из Украины и Средней Азии, а затем уже из Азербайджана, Белоруссии, Армении и Китая. Жители же считают, что на первом месте — Южный Кавказ и Средняя Азия (81 % опрошенных). Понятно, что официальная статистика не отражает реальной картины, так как нелегальная миграция, по различным данным в 3—7 раз превышает официальные цифры, но этнический состав мигрантов, мы полагаем, она отражает более или менее правильно.

Следует отметить, что на территории области исконно проживает достаточно большое количество мусульманского населения — татар и башкир, причем социологические исследования последних лет фиксируют у них высокий уровень этнического самосознания, эти народы чтут свою национальную культуру, передают ее основы из поколения в поколение и гордятся своей этнической принадлежностью. Можно было бы ожидать, что эта часть принимающего населения будет демонстрировать наиболее положительные коннотации по отношению к мигрантам из мусульманских стран, тем более что отношения с русской частью населения не всегда бывают совершенно бесконфликтными. Однако исследование показало, что в вопросах, касающихся мигрантов, местное население демонстрирует полное единодушие вне зависимости от национальности, вероисповедания и взаимоотно-

шений внутри местного сообщества. В этом случае противопоставление «мы (местные)» и «они (приезжие)» очевидно.

В отличие от жителей мегаполисов, которые хоть и негативно в своем большинстве относятся к мигрантам, но признают необходимость трудовой миграции, жители провинции считают, что она усугубляет и без того сложное экономическое положение малых городов. Это объясняется тем, что типичным для региона городом является город с численностью населения менее 60 000 человек с одним градообразующим промышленным (машиностроительным или шахтерским) предприятием. Практически все эти предприятия находятся под угрозой банкротства, работники очень боятся потерять свои рабочие места, несмотря на то, что работа у них достаточно тяжелая, а у шахтеров еще и опасная. Мигранты же, по мнению местных жителей, лишают их возможности найти другую работу и, к тому же, соглашаясь на минимальную заработную плату, сильно снижают ее уровень. Показательно, что местные предприниматели, которым, казалось бы, выгодно нанимать дешевую рабочую силу, солидарны со своими земляками, утверждая, что предпочли бы не работать с мигрантами, подчеркивая их низкую профессиональную квалификацию. В целом среди жителей области прочно укоренился стереотип о низком уровне образования мигрантов. Треть участников опроса считает, что мигранты имеют общее среднее образование, более половины, что не имеют его совсем, и только 1 % предположил наличие высшего образования. Надо сказать, что эти респонденты сами имеют высокий уровень образования и материального положения, а также высокий социальный статус, что позволяет предположить, что в их круг общения входят соответствующие представители из числа этнических мигрантов. Подавляющая же часть местного населения встречает мигрантов чаще всего на уличных рынках и в мелких магазинах. Подтверждая концепцию «чужака» Г. Зиммеля, согласно которой чужак приходит как посредник, торговец [5, с. 7], типичной сферой деятельности мигрантов респонденты считают торговлю (86,5 %), строительство (84,1 %) и сферу услуг (32,7 %). Каждый второй опрошенный убежден, что мигранты занимаются преступной деятельностью, такой как распространение наркотиков, контроль над проституцией, ввоз и вывоз фальшивых долларов, нелегальная миграция и экологические преступления. Каждый третий называет попрошайничество и воровство.

По мнению Д. П. Каранова, в России наибольшее распространение получили два основных типа поведения мигрантов. Первый характеризуется тем, что мигрант придерживается правил поведения и культурных нормы, распространенных на месте пребывания. Такое поведение рано или поздно приводит если не к полной, то к частичной ассимиляции. Второй тип характеризуется тем, что мигрант идентифицирует себя с определенным населенным пунктом, но не чувствует себя частью сообщества, сохраняя верность своим этническим и социокультурным особенностям. Для этого типа характерно формирование диаспоры [7, с. 30—31].

Исследование зафиксировало, что в малых городах Челябинской области доминирует второй тип, что не может не настораживать, поскольку стремление диаспоры утвердиться и укорениться на новом месте при сохранении своей культурной уникальности воспринимается принимающим обществом как покушение на его культурно-ценностные установки, а это может служить причиной возникновения конфликтов на этнической почве. На данный момент ситуация с этническими мигрантами не является конфликтной, так считают более половины опрошенных, но, учитывая постоянно увеличивающийся поток прибывающих, нежелание уже обосновавшихся в городах мигрантов соблюдать местные социально-культурные нормы и порядки, треть респондентов не исключают такой ситуации в ближайшем будущем.

Следует отметить, что в ряде исследовательских подходов адаптация уже не рассматривается как процесс, касающийся исключительно мигрантов. Многие исследователи считают, что принимающее общество тоже должно адаптироваться к приезжим и таким образом восстановить баланс безопасности, как минимум, поколебленный их появлением [8].

Проведенное исследование пролило свет на особенности отношения к этническим мигрантам в далеких от мегаполисов городах российской провинции. Выяснилось, что их население не готово к массовому притоку мигрантов и выступает против миграции в целом. Подавляющее большинство не видит никаких положительных последствий миграции, а в числе отрицательных называет такие, как рост преступности, безработицы, антисанитария, угроза распространения заболеваний и связанная с этим возросшая нагрузка на социальную сферу, особенно на систему здравоохранения, которая в провинции и без того находится в плачевном состоянии. Корреляционный анализ показал незначительное влияние на уровень толерантности пола и образования: женщины и люди с высшим образованием несколько терпимее относятся к этническим мигрантам, чем мужчины и люди со средним уровнем образования.

Чисто этнических проблем, как правило, не существует, они всегда дополнены социальными, экономическими и политическими аспектами. В нашем случае отношение к мигрантам больше связано с их социально-культурными, а не с этническими особенностями, и это отношение избирательно. К представителям близких культур, таких как украинцы и белорусы, оно положительно, а к представителям культур, для которых характерна адаптация через самоутверждение и требование того, чтобы среда приспособилась к ним, а не наоборот, оно крайне негативное. Особенно возмущены респонденты нежеланием приезжих учить русский язык и демонстрацией неуважения к культуре принимающей стороны.

Также было выявлено, что отношение к этническим мигрантам зависит и от уровня притязаний последних. Местные жители согласны мириться с тем, что мигранты практически заполнили такие сферы как торговля и строительство, но не хотят, чтоб их дети учились в одном классе с представи-

телями чужой культуры или посещали один детский сад. Также, ссылаясь на бескультурье последних и антисанитарию, местные жители не хотели бы жить рядом с ними. Многие выступают за ужесточение миграционной политики в отношении к нелегальным мигрантам и, особенно, к лицам, не владеющим русским языком хотя бы на минимальном уровне.

Нам представляется, что только запретительными мерами проблему негативного отношения провинциальных жителей к этническим мигрантам решить трудно, так как адаптация приезжих — это забота гражданского общества, которое и должно донести до них, какое поведение принято и желательно в рамках нашей культуры, а какое — не принято и оскорбительно. Государство же, видимо, должно создавать условия для совместной деятельности вместо замкнутых локальных сообществ, которые раскалывают общество и формируют параллельный социум этнических мигрантов. Сложность состоит в том, что универсальных рецептов в этом вопросе нет, и быть не может. Многообразие практик взаимодействия этнических мигрантов и местного населения приводит к многообразию поведенческих моделей приезжих по отношению к принимающей стороне, а это, в свою очередь, вызывает различные реакции местных жителей на тех или иных мигрантов. Нужно признать, что каких-либо оптимальных форм взаимодействия местного населения и этнических мигрантов на сегодняшний день не существует.

Литература

1. Бромлей, Ю. В. *Очерки теории этноса* / Ю. В. Бромлей. — М. : Наука, 1983.
2. Габдрахманова, Г. Ф. *Этничность и миграция: становление исследовательских подходов в отечественной этносоциологии* / Г. Ф. Габдрахманова // *Социс*. — 2007. — № 1. — С. 116—122.
3. Геллнер, Э. *Нации и национализм* / Э. Геллнер. — М. : Прогресс, 1991.
4. Дробизева, Л. М. *Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России* / Л. М. Дробизева. — М. : Институт социологии РАН, 2003.
5. Зиммель, Г. *Экскурс о чужаке* / Г. Зиммель // *Социологическая теория: история, современность, перспективы* : альманах журнала «Социологическое обозрение». — СПб. : Владимир Даль, 2008.
6. Ионцев, В. А. *Эмиграция и репатриация в России* / В. А. Ионцев, Н. М. Лебедева. — М. : Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001.
7. Каранов, Д. П. *Мигранты и принимающее общество: культурный аспект межэтнических отношений в городской среде* / Д. П. Каранов // *Полития*. — 2013. — № 1. — С. 24—35.
8. *Миграция и безопасность в России* / под ред. Г. Витковской, С. Панарина. — М. : Интердиалект, 2000.
9. Рязанцев, С. В. *Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции* / С. В. Рязанцев. — Ставрополь : Кн. изд-во, 2001.
10. Тишков, В. А. *Этнология и политика* / В. А. Тишков. — М. : Наука, 2001.
11. Топилин, А. В. *Этнические миграции в России: современные тенденции* / А. В. Топилин // *Современные проблемы миграции в России*. — М., 2003. — С. 51—52.
12. Широкогоров, С. М. *Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений* / С. М. Широкогоров. — Шанхай, 1923.

Поступила в редакцию 28 февраля 2017 г.

РУССКИХ Людмила Викторовна, доцент кафедры социологии и политологии, кандидат культурологии, доцент, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Россия) E-mail: ludmilaruss@mail.ru

*Bulletin of the South Ural State University
Series «Social Sciences and the Humanities»
2017, vol. 17, no. 2, pp. 69—73*

DOI: 10.14529/ssh170210

THE RATIO OF RESIDENTS OF THE CHELYABINSK REGION TO ETHNIC MIGRANTS

*L. V. Russkikh, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation,
ludmilaruss@mail.ru*

Based on the results of a sociological study examines the attitude of inhabitants of the Chelyabinsk region to ethnic migrants. The dependence between the attitude towards migrants and similarity of values systems of the local population and visitors, as well as the level of claims last. It was found that the most tense relationship observed in the field of local settlement of ethnic migrants. Fixed neighborly relation to ethnically and culturally close to the Russian-speaking immigrants — immigrants from Ukraine, Belarus, North Kazakhstan. Definitely it has developed a negative attitude to the natives of the South Caucasus, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan.

The conclusion is that the ethnic migration issues relevant to all segments of the population.

Keywords: ethnic migration, migrants, ethnic relations, ethnic flows, host societies.

References

1. Bromlej Ju.V. Ocherki teorii jetnosa [Essays on the theory of ethnos]. Moscow: Nauka, 1983.
2. Gabdrahmanova G.F. Jetnichnost' i migracija: stanovlenie issledovatel'skih podhodov v otechestvennoj jetnosociologii [Ethnicity and migration: the formation of research approaches in domestic ethnosociology] *Sociologicheskie issledovanija*. [Sociological research]. 2007. № 1. pp. 116 — 122.
3. Gellner Je. Nacii i nacionalizm [Nation and Nationalism]. Moscow: Progress, 1991.
4. Drobizheva L.M. Social'nye problemy mezhnacional'nyh otnoshenij v postsovetskoj Rossii [Social problems of ethnic relations in post-Soviet Russia]. Moscow: Institut sociologii RAN, 2003.
5. Zimmel' G. Jekskurs o chuzhake [Digression about strangers] *Sociologicheskaja teorija: istorija, sovremennost', perspektivy. Al'manah zhurnala «Sociologicheskoe obozrenie»* [Sociological Theory: Past, Present and prospects. Almanac of the journal "Sociological Review"] — SPb: Vladimir Dal', 2008.
6. Ioncev V.A., Lebedeva N.M. Jemigracija i repatriacija v Rossii [Emigration and repatriation to Russia]. Moscow: Popechitel'stvo o nuzhdah rossijskich repatriantov, 2001.
7. Karanov D.P. Migranty i primimajushhee obshhestvo: kul'turnyj aspekt mezhjetnicheskikh otnoshenij v gorodskoj srede [The migrants and the host society: the cultural dimension of inter-ethnic relations in the urban environment] *Politija* [Politiya]. 2013. № 1, pp. 24 — 35.
8. Migracija i bezopasnost' v Rossii. Pod red. G. Vitkovskoj i S. Panarina [Migration and Security in Russia]. Moscow: Interdiagnost, 2000.
9. Rjazancev S.V. Vlijanie migracii na social'no—jekonomicheskoe razvitie Evropy: sovremennye tendencii [he impact of migration on the socio-economic development in Europe: current trends]. — Stavropol: Kn. Izd-vo, 2001.
10. Tishkov V.A. Jetnologija i politika [Ethnology and Politics]. Moscow: Nauka, 2001.
11. Topilin A.V. Jetnicheskije migracii v Rossii: sovremennye tendencii [Ethnic migration in Russia: Current Trends] *Sovremennye problemy migracii v Rossii* [Modern problems of migration in Russia]. Moscow, 2003, pp.51 — 52.
12. Shirokogorov S.M. Issledovanie osnovnyh principov izmenenija jetnicheskikh i jetnograficheskikh javlenij [Investigation of the basic principles of changing the ethnic and ethnographic events]. — Shanhaj, 1923.

Received February 28, 2017